

¹⁰⁷ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1913. С. 426–427.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 14. Кн. 1. М., 1965. С. 132.

¹⁰⁹ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 43, 44, 49, 55, 64, 71, 79–80, 64, 89, 103, 111, 112, 119, 129, 143, 150, 190, 197; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 137, 172, 226, 229, 241, 244, 247, 253, 257, 281, 288.

¹¹⁰ Повести о Куликовской битве. С. 50, 124, 174; Памятники Куликовского цикла. С. 148, 231, 264.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 334, примеч. г; Повести о Куликовской битве. С. 93; Памятники Куликовского цикла. С. 163.

¹¹² Повести о Куликовской битве. С. 58, 92; Памятники Куликовского цикла. С. 161, 236; ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 55.

¹¹³ Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 90; Крижанич Ю. Экономические и политические его взгляды. СПб., 1914. С. 109; Записка капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. 1. С. 75, примеч. 2 на с. 73.

¹¹⁴ Жданов И.Н. Былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 115.

© 2004 г. Е.А. ВИШЛЕНКОВА, А.А. САЛЬНИКОВА*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

17 ноября 2004 г. Казанский государственный университет празднует свой 200-летний юбилей. Как один из старейших университетов страны он имеет статус «национального достояния России», а его праздник патронируется президентами Российской Федерации и Татарстана. При этом руководство Татарстана уязвляет празднование университетского юбилея с предстоящим в 2005 г. 1000-летием Казани.

Так исторически сложилось, что Казанскому университету не везло с юбилеями. Празднование его 50-летия в 1854 г. было отменено столичными властями, по-видимому, в связи с Крымской войной. В 1904 г. празднование 100-летия, совпавшего с русско-японской войной, было отложено¹. А в связи с тем, что Россия вступила в первую мировую войну, Казанскому университету пришлось отказаться и от празднования 100-летия, перенесенного на 1914 г. как год его «полного открытия»². В советское время университетские юбилеи (1929, 1954, 1979) проходили «в тени» годовщин смерти Ленина. Однако ко всем этим юбилеям преподавательская корпорация готовилась, осмысливая свое назначение и историю.

* * *

Согласно европейской традиции, в сценарий университетских юбилеев обязательно входит составление истории и публикация списков университетских воспитанников. К 50-летнему празднованию Казанского университета для подготовки таких изданий загодя была учреждена комиссия, которую возглавил старейший профессор, бывший ректор, один из первых выпускников университета Н.И. Лобачевский. Но вскоре по распоряжению министра деятельность комиссии была прекращена. В резолюции на прошение значилось следующее: «Рано праздновать». А на официальном докладе министра народного просвещения Николай I начертал: «Пятьдесят лет не есть еще настоящий юбилей, т.е. столетие. Не вижу [повода] давать сему дню подобную торжественность. Довольно и простого собрания»³. Для современников такое решение властей осталось непонятным, а казанским профессорам показалось обидным. Ведь буквально за год до того

* Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой Казанского государственного университета.

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета.

Главный педагогический институт отпраздновал свой 25-летний юбилей, а спустя год университетская корпорация Казани отослала депутатов на 50-летний юбилей Петербургского университета. В итоге университетская корпорация Казани отметила круглую дату своего рождения лишь изданием 2-томного сборника научных статей и студенческим балом, организованным «по подписке».

В начале XX столетия внутренняя ситуация в университете была такова, что и преподавательская корпорация, и власти всерьез опасались перерастания практически не прекращающихся студенческих сходок в новые, спровоцированные празднествами беспорядки. За год до того, 5 ноября 1903 г., студенты устроили демонстрацию у входа в главное здание университета⁴. Многие ее участники на следующий же день были арестованы и оказались в пересыльной тюрьме. Таким образом, университетские торжества в Казани не состоялись в 1904 г. не только по причине русско-японской войны.

Первую попытку понять и истолковать начальную историю университета предпринял ректор и профессор истории русской литературы Н.Н. Булич. Его очерки, посвященные истории университета в Александровскую эпоху, были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета» еще лет за 30 до юбилея⁵. Первые 19 лет существования университета исследователь описал как тяжелое время становления родного дома, в портретах и конфликтах людей, его строивших⁶.

Жанр своего исследования Булич определил как «рассказы по архивным документам». В результате применения такой методики получился рассказ центонного типа, в котором герои повествования говорили с читателем «живыми голосами», а «за кадром» звучал авторский комментарий. Выдерживая сюжетную линию, Булич создал университетскую историю как некую драму с яркими, но одномерными образами университетских героев и антигероев. Современный читатель с увлечением читает эти рассказы, но вынужден принимать их на веру, так как текст не сопровождается научно-справочным аппаратом, а многие процитированные Буlichem документы в университетском архиве не сохранились.

Современники восприняли исследование Булича далеко не однозначно. Бывший воспитанник университета А.Н. Пыпин назвал его уникальным явлением в историографии образования. В юбилейных изданиях, писал он, «внутренняя жизнь университетов, их отношение к общественной среде, их нравы и обычаи, действительная их роль в ходе нашего образования, наконец, черты личные и анекдотические», как правило, «исчезали, изглаживались под пером официальных историков»⁷. Булич же поставил все это в центр повествования.

Казанские коллеги отнеслись к вышедшему труду весьма критично, восприняв его как оскорбление своей корпорации⁸. Профессор университета, историк Н.Н. Фирсов даже заявил, что «г. Булич рассказывает "разные истории", б[ольшей] ч[астью] грязного содержания». «Эта книга, – утверждал он, – не может претендовать на серьезное значение исторического исследования, так как в ней нет ни надлежащего исторического метода, ни логической мысли. Нельзя ее оценивать и как художественно нарисованную бытовую картину»⁹. Другие профессора, настроенные более миролюбиво, упрекали автора за невнимание к истории науки.

Тем не менее многие уговаривали Булича продолжить исследование¹⁰, но он не смог этого сделать из-за болезни, а в 1895 г. скончался¹¹. В том же году профессор Н.П. Загошкин обратился к ректору с предложением начать подготовку юбилейных изданий. Он считал нужным сосредоточиться на «истории», «биографическом словаре профессоров и преподавателей» и «сборнике научных трудов». Составление сборника было делом привычным и нетрудоемким, но разработка истории и создание словаря требовали большой коллективной работы и были своеобразной проверкой научного потенциала университетской корпорации.

Будучи историком права и государственных учреждений, Загошкин считал, что история университета должна быть написана как история «учреждения, разумея систематическое и прагматическое изложение его возникновения, начальной жизни и внешнего и внутреннего развития как в целом, так и в отдельных учреждениях, в связи с развитием жизни того края и того общества, среди которых и в умственных интересах которых он существует»¹². Назначение же «Словаря», по его мнению, состояло в том, чтобы «представить по возможности полную обрисовку жизни и научного облика отдельных деятелей, потрудившихся на пользу» университета. Вместе со сборником научных трудов эти издания должны были представить читателю панораму структурного роста учебно-научного учреждения, характеристику его сотрудников и их научных достижений. В основу хронологической структуры изданий предполагалось положить университетские уставы.

В соответствии с предложенной концепцией выстраивалась работа с источниками. Загошкин предлагал использовать два ведомственных архива – университетский и Министерства народно-

го просвещения. Загоскин являл собой образец идеального систематизатора. Он пошел по пути фронтального прочтения университетского архива, который был огромен и плохо систематизирован. Каждый документ в сокращенном виде был переписан Загоскиным на специальную карточку «с указанием на ней тех сфер университетской жизни или университетского строя, которых эти данные или факты касаются». Далее карточки распределялись по картонным ящикам с соответствующими этикетками. К ним исследователь составил предметный и именной указатели. А на каждую фамилию преподавателя, встретившуюся в архивных делах, он заводил особый лист, куда в дальнейшем вносил данные, извлеченные из других документов. В 1897 г. Загоскин был официально утвержден в должности историографа Казанского университета со специальным окладом и широкими полномочиями. А в 1902 г., отчитываясь перед коллегами с историко-филологического факультета, он представил им короба с тысячами карточек¹³.

В итоге этой колоссальной работы университет получил квалифицированное и систематизированное описание своих архивных фондов. Однако подобный метод работы с источниками не позволил Загоскину написать 100-летнюю историю университета как таковую. Путь систематизированного пересказа делопроизводственных документов обрек первоначальный замысел на провал. После нескольких лет напряженного труда исследователь опубликовал 4 огромных тома, охвативших лишь 25 лет университетской жизни¹⁴. Осветить последующие 75 лет Загоскин обещал в следующих томах, которые он предполагал подготовить к 1914 г. Но этого не случилось.

Сегодня труд Загоскина видится классическим фундаментальным изданием, в котором воплотились воззрения современников на университетскую историю, на назначение университета и на жанр юбилейной литературы. Все последующие историки Казанского университета и исследователи отечественного образования неоднократно обращались к томам Загоскина за свидетельствами и подтверждениями, за уникальным источниковым материалом. Но, думается, мало нашлось тех, кто прочитал все 4 тома как единую историю, хотя именно такой – справочной по своему характеру – выдвинула Загоскину юбилейная история университета. Более эффективной охарактеризованная методика работы с документами оказалась в деле составления биографического словаря. К 1904 г. вышел 2-томный словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (около трети которого было написано самим Загоскиным). Он и по сей день служит незаменимым источником сведений и справок научно-биографического характера.

К 100-летию Казанского университета наряду с концепцией Загоскина был предложен и альтернативный проект создания его юбилейной истории. Автором его был профессор русской истории Д.А. Корсаков. В отличие от коллеги с юридического факультета, он был убежден, что университет – это не столько правительственное учреждение, сколько научная и педагогическая корпорация, поэтому основными элементами университетской жизни являются «администрация университета, профессора и преподаватели, со всей организацией ученого, академического преподавания, и студенты»¹⁵. Исходя из этого, Корсаков полагал необходимым дать иную периодизацию университетской истории. Более значимым, чем уставы, фактором жизни университета он считал личность попечителя учебного округа. Соответственно этому Корсаков предлагал сделать в книге 10 разделов, проследив в каждом из них, как менялась политика правительства, университетская администрация, состав преподавателей и студентов, структура преподавания, университетское хозяйство, как возникали ученые общества и как улучшалось отношение общества к университету.

Такую работу, по мнению автора проекта, можно было бы осуществить коллективно, поручив написание отдельных разделов разным исследователям. Подобное решение, по его мнению, позволило бы избежать пристрастного изложения университетской истории. Во главе авторского коллектива Корсаков предлагал поставить главного редактора, который бы составил проект всего издания, следил за ходом работ, организовывал обсуждение разделов, отчитывался перед ректором и советом за сделанное и редактировал весь текст. Вместе с тем профессор считал, что авторы могут воспользоваться предлагаемым Загоскиным «карточным методом» работы с университетским архивом, но, во-первых, его следует дополнить материалами из архивов Министерства народного просвещения, Сената, Синода, иных университетов и Казанской духовной академии, а, во-вторых, необходимо расширить круг источников за счет мемуаров, дневников, писем, устных рассказов современников, стихов, «летучих произведений писаной литературы», рисунков, анекдотов¹⁶.

Кроме истории и словаря преподавателей, Корсаков предлагал издать альбом фотопортретов казанских университетариев и создать биографический словарь выдающихся выпускников, не ставших его профессорами и преподавателями («замечательных деятелей на поприщах науки, литературы, искусства, государственной, педагогической и общественной службы»). Однако

проект Корсакова Совет счел избыточным. Портреты преподавателей собирали и фотокопировали, но лишь в качестве иллюстраций к исследованию Загоскина. Впоследствии А.И. Михайловский реализовал идею издания материалов для будущего словаря воспитанников университета¹⁷.

Первым сводным описанием жизни Казанского университета за 125 лет его существования стала 2-томная «История» М.К. Корбута¹⁸. Она писалась в условиях уже иной культурной эпохи и для иных читателей. Перед автором была поставлена большая и сложная задача – реконструировать жизнь университета с момента ее зарождения и до конца 1920-х гг., причем для написания этой работы ему был отведен рекордно короткий срок – 1 год. А трудности, стоявшие на пути создателя книги, были немалые – это и почти полное отсутствие исследований по истории местного края, и слабая изученность истории отечественных университетов, особенно в условиях советской России, и отсутствие специальных работ по истории факультетов и кафедр Казанского университета, студенческой и преподавательской составляющих университетской корпорации. «Никто и никогда, – сетовал Корбут, – специально не занимался изучением истории студенчества Казанского университета на всем ее протяжении»¹⁹. Никогда ранее университетской историей не занимался и сам исследователь.

Хотя для работы над юбилейным изданием Корбут и был освобожден от чтения лекций, в октябре 1928 г. он обратился в правление университета с полной отчаяния запиской: «Должен предупредить, – писал он, – что крайне малый промежуток времени, оставшийся до юбилея, и отсутствие какой бы то ни было разработки архивных данных по истории Казанского университета за последние 100 лет не дают мне возможности гарантировать, что "памятка" (такое было рабочее название будущего 2-томника. – *Авт.*) будет в достаточной степени полна и будет подготовлена к сроку, хотя все мои усилия и знания приложены к тому, чтобы эта "памятка" охватила все наиболее важнейшие моменты в жизни университета и чтобы она вышла из печати в январе 1930 г.»²⁰

Несмотря на эти опасения, работа вышла в срок. Она была столь объемна и столь значима по содержанию, что современники именовали ее не иначе, как «монументальным трудом»²¹. В отличие от своих дореволюционных предшественников, Корбут назначение юбилейной истории видел в том, чтобы «проследить развитие университетского организма как целого, подвергавшегося многообразным изменениям и ломкам под влиянием классово-политической борьбы в стране и в университетах в частности»²². Исследователь писал политически ангажированный текст, доказывая читателю (а им в первую очередь были партийные руководители), что университет лоялен к советской власти, что у него богатые революционные традиции, что он – колыбель вожда мирового пролетариата и, следовательно, должен быть сохранен. Кстати, в унисон Корбуту эту мысль проводили все авторы мемуаров, опубликованных к 125-летию КГУ²³, т.к. надо было спастись alma mater от грозящего ей разрушения.

Вместе с тем Корбут писал историю на реальных документах и не фальсифицировал фактические данные. Будучи питомцем «старой» исторической школы, он был воспитан в духе строгого и почтительного отношения к историческому источнику. Впервые автор рассказывал читателям об условиях жизни университетского сообщества в первое послеоктябрьское десятилетие. Эта последняя, завершающая глава несла на себе огромную смысловую нагрузку. В ней необходимо было показать успешность процесса перестройки университетского организма на новый лад, утрату им прежних «имперских» черт и обретение к концу 1920-х гг. подлинной «советскости». Не отступая от созданной им идеологизированной схемы, Корбут одновременно показал противоречивость и болезненность этого процесса. На страницах последней главы в полном масштабе представлена та острейшая борьба, которую вела казанская университетская корпорация за свое существование и выживание в первые годы советской власти, борьба, непосредственным свидетелем и участником которой являлся и сам автор книги.

Видимо, Корбут чувствовал себя гораздо свободнее в выражении политических и чисто человеческих симпатий и антипатий, нежели многие другие его коллеги: он не был уличен в открытой поддержке Белого движения, как профессор русской истории Н.Н. Фирсов²⁴; не сотрудничал с комучевским Ведомством народного просвещения, как профессор М.М. Хвостов, и не уходил из Казани вместе с 55 профессорами и преподавателями университета вслед за Белой армией в 1918 г. Наконец, он не участвовал в знаменитой «профессорской забастовке» 1922 г., как И.А. Стратонов. Корбут был признан и облакан советской властью. Он был ее сторонником и пропагандистом, олицетворяя – не просто в возрастном, но и в мировоззренческом, и в поведенческом плане – новое поколение университетских преподавателей. Корбут стоял у истоков казанского рабфака и был его руководителем в 1921–1926 гг.²⁵, одним из первых начал преподавать марксистский минимум, а затем курс истории революционного движения²⁶.

Член РКП(б) с 1920 г., Корбут активно участвовал в общественной жизни университета. Показательно, что именно он решением Правления от 24 января 1924 г. был командирован в Москву на похороны Ленина²⁷. Поэтому естественным было поручить написание юбилейной истории именно ему²⁸.

Основу исследования составили преимущественно материалы делопроизводственного характера, отложившиеся в фондах университета и попечителя Казанского учебного округа, а также ряд неопубликованных воспоминаний и дневников. Корбут не стал перечитывать документы за первые 25 лет университетской истории, полагая, что их достаточно обработали Булич и Загоскин. В отличие от последнего, он не пошел по пути фронтального изучения архива, а выбирал из однотипных документов принципиально, по его мнению, значимые. Так, протоколы университетского Совета, как уверял Корбут, «были проработаны почти все, страница за страницей, сотни тысяч листов дел»²⁹. Они по существу создают канву повествования. Методика работы Корбута с источниками была характерна для отечественной исторической науки конца 1920-х гг.: пиетет по отношению к письменному тексту (перегруженность архивными документами, большие цитаты, часто приводимые без каких-либо комментариев), тенденциозный подбор выдержек из документов, цитирование в отрыве от контекста. И все же созданная Корбутом «История» может быть оценена достаточно высоко. Это было фундаментальное исследование, впервые отразившее историю Казанского университета за все время его существования и во многом сформулировавшее новые, советские представления о сущности и назначении университета. Университетские люди сами подсказали советской власти, кем они для нее могут быть, а власть в благодарность за это сохранила жизнь университетской корпорации.

Прошла четверть века, и в 1954 г. к 150-летию юбилею университета, группа историков и обществоведов подготовила новую университетскую историю. Помимо основного названия, «История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина» имела подзаголовки «Материалы к обсуждению»³⁰. Первоначально предполагалось, что материалы рукописи будут широко обсуждены на факультетах, в партийных органах, в Москве, а потом на их основе будет подготовлена обобщающая работа. По концептуальному построению «Материалы» были типичным образцом «сталинской» историографии и представляли собой плохо согласованное сочетание истории университета с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Периодизация жизни университета в советский период была проведена в строгом соответствии с периодизацией истории партии, причем каждый из разделов неизменно начинался со статьи, носящей общий историко-партийный характер, с восхваления роли «великого вождя» в развитии страны и высшей школы.

По степени тенденциозности и политизированности данная «история» оставила 2-томник Корбута далеко позади. Хотя работа писалась профессиональными историками, ее научно-справочный аппарат не выдерживал никакой критики. Как и во многих иных ангажированных изданиях той поры, цитаты приводились с произвольными купюрами и ошибками, сноски в тексте были крайне немногочисленны и представляли собой некое нерасшифрованное упоминание об «архиве КГУ». При этом издание изобиловало цитатами классиков марксизма-ленинизма, и в особенности Сталина. Но когда работа была сделана, ситуация в стране изменилась. В 1954 г. имя Сталина стало все реже упоминаться в печати, прекратился выпуск его собрания сочинений. И только что увидевшие свет «материалы» к университетской истории сразу же оказались концептуально и методологически устаревшими. Теперь книгу нужно было не редактировать, а переписывать. Однако при всей жесткой критике, высказанной в адрес этого издания, нельзя не отметить и его значения. Работа носила обобщающий характер, причем изложение событий впервые было доведено до начала 1950-х гг. Авторы постарались сделать свое издание комплексным: здесь, в отличие от 2-томника Корбута, присутствуют большие разделы, посвященные развитию науки в Казанском университете. Книга, безусловно, сырая, плохо структурированная, но на ее страницах можно найти немало полезного фактического материала, в особенности по истории университета в советское время (к сожалению, обычно без ссылок или с «глухими» ссылками).

Следующий шаг к осмыслению собственного назначения, традиций и прошлого был сделан преподавательской корпорацией в преддверии 175-летия Казанского университета. На этот раз создатели юбилейной истории пошли по пути объединения факультетских «историй», а вернее историй университетских кафедр. Этот опыт следует признать неудачным. Механически объединенные тексты не создали единого исторического повествования и воспринимаются как некие научные отчеты³¹.

Конечно, юбилейные «большие нарративы», как называют сегодня историки комплексные исследования такого рода, не исключали того, что история университета разрабатывалась в

проблемных и биографических трудах. В этом отношении за последние 100 лет была создана богатейшая историографическая традиция³².

Кроме того, как бы в компенсацию за неудачные юбилеи, судьба хранила университетский архив. И сегодня он является одним из богатейших в стране. Фонды университетского Совета, четырех факультетов, строительного и училищного комитетов, попечителя, его канцелярии в общей сложности содержат около 17 тыс. дел (Национальный архив Республики Татарстан, Казань). Документы по истории Казанского университета хранятся также в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета и в фонде Казанского учебного округа в составе архива Министерства народного просвещения (Российский государственный исторический архив, Петербург). Это еще более 3 тыс. архивных дел.

Ныне, как и 100 лет назад, историки выступили с проектами создания юбилейных изданий. План этот включает более 320 наименований (в том числе серию брошюр научно-биографического жанра о выдающихся профессорах, тематические исследования, публикации мемуаров, биографические указатели к университетским изданиям и изданиям о Казанском университете, фотоальбомы и т.д.). Впервые выйдет в свет коллективная монография о ректорах Казанского университета. К 1 января 2004 г. из печати вышли 118 изданий и около 70 готовых рукописей находились в производстве. К нынешнему юбилею выйдут в свет 3 обширных тома био-библиографического словаря «Казанский университет: 1804–2004». Замысел его создания принадлежит профессору Г.Н. Вульфсону (1920–2002). В конце 1980-х гг. он объединил вокруг себя группу учеников и единомышленников (Л.П. Бурмистрова, Ф.А. Литвина, Ф.Ф. Нуреева, Н.С. Чугунова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова и др.), которые по крохам стали собирать в архивах сведения о воспитанниках университета.

Современный уровень исторической науки позволяет расширить возможные жанры университетской «истории». Поэтому к 200-летию юбилею готовятся 2 издания: одно реконструирует историю становления и развития университета как научного и учебного учреждения, другое анализирует истоки, традиции и особенности университетской культуры. Так случилось, что первый проект реализуется в довольно точном соответствии с предложениями Д.А. Корсакова. Для императорского периода в основу периодизации положены вехи попечительства и уставы, а советский период размечен вехами политической истории (революция, «великий перелом», стабилизация, война, перестройка). Впрочем, этот принцип выдерживается не всегда. Так, периоды «оттепели» и «застоя» применительно к истории университета объединены в одну «эпоху Нужина» – ректора, который руководил университетом с 1954 по 1979 г. Подобно тому, как имя Н.И. Лобачевского олицетворяет в университетской памяти время расцвета Казанского университета в XIX в., так с именем М.Т. Нужина в юбилейной истории связывается научный и организационный расцвет университета в XX столетии.

В каждом разделе освещаются политика власти по отношению к университету, деятельность его администрации, состав преподавателей и студентов, система преподавания, развитие научных исследований. Исследование базируется на материалах делопроизводства, извлеченных из архива университета, документах попечителя учебного округа, Министерства народного просвещения, партийных и государственных органов, официальной и частной переписке, источниках личного происхождения, периодической печати, научных трудах. Авторы и редакторы ставили перед собой задачу выявления общих тенденций в жизни старейшего провинциального университета России и демонстрации его научных и педагогических заслуг перед страной.

Написанные и отредактированные тексты были изданы в 2002 г. в виде «Очерков» тиражом в 450 экземпляров для обсуждения на факультетах и кафедрах³³. Нельзя сказать, чтобы это обсуждение было результативным. Внимание специалистов, изучавших данный текст, сосредоточивалось на современности и главным образом на вопросе о том, достойно ли и какими именами представлены их подразделения. После исследовательской доработки очерки будут изданы в виде коллективной иллюстрированной монографии.

Второе издание, т.е. история университетской культуры, менее традиционно для отечественной историографии. Опираясь на «Очерки», ее авторы (Е.А. Вишленкова, С.Ю. Мальшева и А.А. Сальникова) имели возможность не входить в подробности изучения университетской политики власти, а говорить о государственном видении назначения университета; не изыскивать цифры роста университетской корпорации, а сосредоточить внимание на образах идеального студента и преподавателя; не описывать научные достижения, а писать о науке как форме жизни университетского человека, показать, каким этот человек был в Казани XIX и XX вв., как и кем ощущал себя в университетских аудиториях и на улицах города, в пределах собственного дома и на отдыхе, сколько он получал за свой труд и на что тратил, как складывались отношения университетских преподавателей с представителями разных уровней власти, друг с

другом, со студентами и служащими; рассказать об университетских ритуалах, символах, легендах и мифах, показать лица университетских людей, пространство повседневной жизни университета.

Материалы мы искали в законодательстве, в распоряжениях министерства и местного начальства, в протоколах Совета, в письмах, дневниках, воспоминаниях, песнях, в надписях на партах и стенах, в анекдотах и стихах, в фотографиях, устных рассказах, наградных медалях, значках, в университетских печатях, официальных бланках, в газетах и журналах, в портретах людей, в сохранившихся вещах – словом, в любых «следах прошлого».

При этом авторы ориентировались на исследования зарубежных медиевистов, работающих в области культурной антропологии, а также на отечественные публикации, посвященные студенческой субкультуре и университетским традициям³⁴. Мы испытали на себе обаяние трудов по культурной истории Московского университета³⁵. Ни одно из имеющихся на сегодняшний день исследований об университетской культуре не охватывает жизнь университета полностью. Отсутствуют разработки университетской культуры советского времени. Если историк, занимающийся вопросами культуры дореволюционного университета, «захлебывается» от обилия источников и вынужден искать эффективные методы обработки массовой документации, то исследователь советского университета имеет дело с «сухими» протоколами заседаний кафедр, факультетов, Совета и идеологическими штампами университетской печати.

От сотрудников Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ мы узнали об инициативе В.И. Аристова, С.В. Писаревой и В.И. Шишкина по сбору мемуарных свидетельств воспитанников университета 1910 – начала 1960-х гг., реализованной в начале 1980-х гг. Опубликовать собранные мемуары в то время не удалось, и рукописи лежали в отделе рукописей и редких книг в особой коробке, ожидая своего часа. Для изучения жизни университета второй половины XX столетия были разработаны две анкеты (одна – для бывших студентов, другая – для бывших и нынешних преподавателей Казанского университета), нацеленные на выявление различных аспектов повседневной жизни университетской корпорации и отношений внутри нее. Проводили анкетирование студенты 2–4-го курсов исторического факультета. Мы получили свыше 250 анкет. В круг опрашиваемых вошли и бывшие члены университетского руководства, и рядовые преподаватели, и студенты – представители всех факультетов. Главное достоинство полученных свидетельств заключалось в фиксации в них чувств, мыслей, впечатлений, настроений людей, их отношения к событиям – всего того, что приближает историю к жизни, да фактически и делает ее таковой. Цитаты из источников в данном повествовании приводятся главным образом для того, чтобы читатель услышал «голос» прошлого или увидел типичный образец из того множества документов, на основе анализа и интерпретации которых выводилось то или иное суждение.

Мы готовимся к 200-летию университета, сознавая, что нынешний юбилей – это хороший повод для того, чтобы идейно ощутить себя членами одной университетской семьи. В такой момент у университета есть возможность указать свои идеалы – воспитательные, этические, мировоззренческие, социальные. Именно так университетское сообщество утверждает в обществе собственную ценность и важность исполняемой им социальной роли.

Примечания

¹ Лебеде в В. Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни // Русская старина. 1908. № 7. С. 21.

² Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 977, оп. Ист.-фил. ф-т, д. 2241.

³ РГИА, ф. 733, оп. 46, д. 129а, л. 6–7.

⁴ Биряльцев А. По казанским следам поэта // Казанские истории. 2003. № 1–22. С. 13.

⁵ Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Ученые записки Казанского университета. 1875. С. 3–48, С. 241–288, С. 439–488; 1880. С. 1–112; 1886. С. 1–387.

⁶ Ег о ж е. Из первых лет Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. 1890. I. С. 1–144; II. С. 145–276; III. С. 127–244; V. С. 133–208; VI. С. 122–214; е г о ж е. Из первых лет Казанского университета. (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Ч. 1–2. Казань, 1887–1891.

⁷ Пыпин А.Н. Старые университетские нравы // Вестник Европы. Август, 1887. С. 729.

⁸ Казанский университет в юбилейных изданиях. 1856–1980. Библиографический указатель. Сост. В.И. Шишкин. Казань, 2003. С. 25.

⁹ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1892. Т. 10. Кн. 3. С. 353.

¹⁰ Казанский университет в юбилейных изданиях. С. 6.

¹¹ НА РТ, ф. 977, оп. Ист.-фил. ф-т, д. 1636.

¹² Там же, л. 1602, л. 4.

¹³ Там же, л. 57.

¹⁴ Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1–4. Казань, 1902–1906.

¹⁵ НА РТ, ф. 977, оп. Ист.-фил. ф-т, д. 1602, л. 9 об.

¹⁶ Там же, л. 13 об.

¹⁷ Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904 гг.): Материалы для истории университета / Собрал А.И. Михайловский. Ч. 1. Вып. 13. Казань, 1901–1908.

¹⁸ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30. В 2 т. Казань, 1930.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 5.

²⁰ НА РТ, ф. 1337, оп. 36, д. 14, л. 43.

²¹ См.: Ахун М. Рецензия на двухтомник Корбута // Красная летопись. 1931. № 1 (40). С. 236–239; Семенов В. (Рец.): Корбут. Казанский университет // Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 192–194 и др.

²² Корбут М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 6.

²³ Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани // Вестник хирургии и пограничных областей. Т. XVIII. Кн. 54. Л., 1929. С. 3–21. Воспоминаниями наполнены «Казанский медицинский журнал» (1930, № 5–6) и «Ученые записки Казанского университета» (Т. 90, Кн. 5. 1930).

²⁴ 21 августа 1918 г. профессора Н.Н. Фирсов, Н.Н. Парфентьев, М.В. Бречкевич и А.Я. Богородицкий выступили в однодневной газете «Народная армия» со статьей «Народное войско», в которой призывали всецело поддержать захватившую Казань армию Комуца как поддерживаемую «всеим народом, стремящимся к воссозданию единой свободной России». (Об этом см.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976. С. 66–67). В этом «необдуманном» поступке Фирсов каялся до конца своей жизни.

²⁵ Жизнь рабфака Казанского университета без Корбута в этот период невозможно было просто представить. М.В. Нечкина в 1924 г. писала: «Рабфаковцу всегда нужен Корбут. За тысячью надобностей – крупных и мелких. И на все лады склоняется: "У Корбута был? Поговори с Корбутом... Где Корбут? Даешь Корбута! Идем к Корбуту"...» (Михаил Эрт. (Нечкина М.В.). Конец зимнего семестра на Казанском рабфаке // Знамя рабфаковца. 1924. № 1–2. С. 162).

²⁶ См.: КГУ в 1926–1927 уч. г. Казань, 1927. С. 21, 39; КГУ в 1927–1928 уч. г. Казань, 1928. С. 40, 42.

²⁷ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (далее – ОРК НБЛ), ед. хр. 8823, л. 1, 25.

²⁸ М.К. Корбут родился в Казани в 1899 г. В 1933 г. он был осужден «за принадлежность к троцкизму» по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР на 3 года ссылки в Казахстан. В 1936 г. был заключен в лагерь «Ухтепчаг», откуда 29 декабря 1936 г. этапирован в Казань в качестве обвиняемого по делу «правого оппортуниста», профессора кафедры методологии естествознания КГУ В.Н. Слепкова. 1 августа 1937 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Корбута к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

²⁹ Корбут М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 5.

³⁰ История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению). На правах рукописи / Под общ. ред. Д.Я. Мартынова. Казань, 1954.

³¹ Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории. Казань, 1979.

³² Большинство этих работ, вышедших до 1969 г., отражены в библиографическом указателе: Высшее образование и наука в Татарии. Казань, 1971. Среди исследований, изданных в последние годы, выделяются публикации С.М. Михайловой, посвященные просветительской деятельности Казанского императорского университета (См.: Михайлова С.М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX век). Казань, 1979; е же. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991). Карточный указатель литературы о Казанском университете сегодня насчитывает более 1500 наименований. К юбилею планируется создать его электронную версию и разместить ее в Интернете.

³³ Очерки истории Казанского университета / Отв. ред. И.П. Ермолаев. Казань, 2002.

³⁴ Об университетской культуре европейского Средневековья писали: Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура запада. Екатеринбург, 2000; Strassburger Studentenleben bis 1850: Ein Beitrag zur Geschichte der Strassburger Studentenverdingunge. Strassbur, 1934; Gaudeamus igitur: die studentische Verbindungen einst und jetzt / P. Gladen. Unter Mitarb. von U. Becker. Muenchen, 1986; Brunck H. Studentische Verbindungen in Frankfurt am Main. Kelkheim, 1986; Weiss M. Buecher, Buden, Burschenschaften: tausend Semester Tuebinger Studentenleben. Tuebingen, 1991; Blut und Paukboden: eine Geschichte der Burschenschaften. Frankfurt am Main, 1997 etc. О смысле и назначении университетской и корпоративной символики см.: Mueller R.A.

Geschichte der Universitaet: Von der mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschulen. Muenchen, 1990; Щепанская Е.Б.. Прагматика некротимологии // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2002. С. 134–152. О социальной природе интеллектуального творчества и моделях интеллектуального поведения см.: Collins R. *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Harvard, 1998. О европейских традициях в университетской культуре императорской России см.: Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе. М., 2000; его же. Российская гастроль университетской идеи // Вопросы философии. 1998. № 11; его же. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1993; его же. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. О субкультурах и единой университетской метакультуре Российской империи писали: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999; Олсевич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002; Kassin S.D. *Students, Professors and the State in Tsarist Russia*. Berkeley, L.A., L., 1989; Вегера D. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion*. Goettingen, 1993. Confino M. *On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth-century Russia* // *Daedalus*. 1972. Vol. 101, № 2; Hans N. *Russian Tradition in Education*. London, 1963. Броуер D.R. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, N. Y.; London, 1975.

³⁵ Университет для России / Ред. В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова. Т. 1–2. М., 1997–2001; Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века: Дисс... канд. ист. наук. М., 2002.

© 2004 г. Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ*

НОВОЕ О РУССКИХ ЛИБЕРАЛАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Редкое исследование по политической истории России начала XX в. не содержит упоминания имени М.В. Челнокова (1863–1935). Московский городской голова, видный деятель партии кадетов, он находился в центре многих важных событий той эпохи и оставил яркий след в памяти людей, его знавших. «Совершенно самобытный человек», «один из самых интересных русских людей»¹, – так характеризовал его П.Б. Струве. «Это был самородок, с умом живым и острым, с редким здравым смыслом»², – вспоминала А.В. Тыркова-Вильямс.

Историки неоднократно использовали обширный личный фонд М.В. Челнокова, хранящийся в ГА РФ³. Однако здесь находится не так уж много документов, характеризующих взгляды и внутренний мир Челнокова, его отношение к тем или иным событиям в жизни страны. Зато уникальная информация такого рода, а также ряд весьма интересных сведений и характеристик, связанных с деятельностью русских либералов, содержится в письмах М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой, хранящихся в Государственном архиве Нижегородской обл.⁴

Романтическая дружба Челнокова и московской общественной деятельницы Екатерины Уваровой – внучки министра народного просвещения С.С. Уварова, дочери археологов Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых – началась в 1897 г. Тогда же завязалась и их переписка.

Письма Уваровой к Челнокову хранятся в ГА РФ и охватывают период с 1897 по 1914 г. Письма Челнокова к графине находятся в Государственном архиве Нижегородской обл. Они оказались там не позднее 1945 г. и первоначально лежали в конверте, на котором рукою Е.А. Уваровой было написано «Письма. На случай моей смерти сжечь, не разбирая, или передать Жене Татищевой»⁵. Предположительно, они попали в Горький в 30-е гг. XX в. из Карачарова – бывшего имения Уваровых в Муромском уезде (Муром тогда входил в состав Горьковского края). Всего в ГА НО зарегистрировано 63 письма М.В. Челнокова с 1903 по 1912 г.

Поскольку Е.А. Уварова интересовалась политикой, М.В. Челноков регулярно затрагивал в своих письмах вопросы общественно-политической жизни страны (отношения между властью и либеральной оппозицией, деятельностью правительства и Государственной думы, слухи из «высших сфер»). Так как их переписка носила сугубо личный характер и не была предназначена

* Селезнев Федор Александрович, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.